

**Николай
Лесков**

**Письма
1881—1887 годов**

**Директ-Медиа
Москва
2010**

Лесков Н.С. Письма 1881—1887 годов. — М.: Директ-Медиа, 2010. — 128 с.

ISBN 978-5-9989-4205-1

Великий русский писатель Н. С. Лесков стремился в своем творчестве постигнуть жизнь разных классов, социальных групп, сословий России, создать многокрасочный, сложный, во многом еще не изученный образ всей страны в один из самых трудных периодов ее существования.

© Лесков Н.С., 1887

© Издательство "Директ-Медиа", оформление, 2010

Содержание

1881	5
1882	14
1883	26
1884	48
1885	63
1886	69
1887	87

1881

1

С. Н. Шубинскому

9 января 1881 г., Петербург.

Любезный Сергей Николаевич!

Спешу уведомить Вас, что статья готова. Название ее: «Дворянский бунт на Добрыньском приходе». — «1866 г.» — Объем — ровно 2 листа. Написалось, кажется, хорошо, — сильно, но цензурно. Выпусков не могу потерпеть никаких, ни на одно слово. Говорю об этом вперед и заранее. Вы были неправы и напрасно трусливы в словах об увольнении без прощений. Я уступил и сожалел, потому что потом это все резче еще сказано в «Нов~~ом~~ времени». — Теперь есть места сильные «об архиереях», но я знаю, как это надо сделать, и сделал цензурно; но выпускать ничего не стану и ни за что, и знаю, что это будет только трусость. А может быть, ее и не будет, — это лучше.

Ваш Н. Лесков.

2

А. С. Суворину

Ночь на 3 февраля 1881 г., Петербург.

Уважаемый Алексей Сергеевич!

Не осудите меня за неодолимое желание написать Вам несколько строк по поводу обстоятельства, которое сильно меня огорчило. К удивлению моему, мне сказали, что мне приписывают какую-то заметку о Ф. М. Достоевском, напечатанную в «Петербургской газете». Я ее не видал и о сю пору не знаю ее содержания, а потому и не обратил на эти слова внимания, но потом пришел Лейкин и сказал, что и Вы тоже имеете такую уверенность, которую он, однако, поколебал в Вас, назвав Вам настоящего автора. Значит, Вы считали возможным, что я, написав статью против покой-

ного, потом пришел к нему в дом и шел за его гробом... Это ужасно! Зачем Вы сочли меня способным на этакую низость? Какой повод я дал для этого всею мою не бесчестною жизнию? В моей литературной деятельности я знаю два проступка, за которые краснею, — это вывод на сцену «углекислых фей» да некоторый портрет в рассказе «Островитяне». Это дурные поступки, но они были сделаны давно, в молодости, да и кто из писателей не грешен точно такими же грехами... С тех же пор я никогда ни одного раза не подпал подобному исключительному соблазну. Меня порицали напрасно ряды лет: мне вредили и повредили ужасно; на меня явно клеветали, и я никогда не тщился никому отплачивать, хотя и мог бы... К Вам я всегда хранил неизменную доброжелательность, — даже в то время, когда Вам казалось во мне все дурным и предосудительным, О Достоевском я имею свои понятия, может быть не совсем согласные с Вашими (то есть не во всем), но я его уважал и имею тому доказательства. Я бывал в критических обстоятельствах (о которых и Вы частью знаете, но у меня никогда не хватило духу напомнить ему о некотором долге, для меня не совсем пустом (весь гонорар за «Леди Макбет»). Вексель этот так и завался. Я знал, что требование денег его огорчит и встревожит, и не требовал. И вот, едва он умирает, как мне приписывают статью против него... Когда же это я был таким предателем и в каком кружке меня таким считают? Уверяю Вас, что ни в каком... Если бы я писал, то я бы и подписал — как сделал по поводу Малины; но чтобы каверзить и идти за гробом покойника... Неужли же я так скверно жил, что дал повод считать меня на это способным? Нет; ни мои знакомые, ни сослуживцы, ни люди, с которыми я имею денежные дела, не усомнятся сказать, что я не каверзлив, и мне это так обидно, так больно слышать от Вас, что я не хочу таить этого в сердце и спешу сказать Вам. Я не сержусь и ровно ничего не добиваюсь, — думаю даже, что Вы, может быть, посмеетесь над моей тревоговою, но все-таки я хочу Вам это сказать. Вы обо мне

подумали так дурно, как я того не заслуживаю. Зачем это? Зачем Вы не спросили меня прямо в глаза?.. Или Вы думали, что я отопрусь, стану еще лгать...

Если Вам дорога справедливость, — в чем я не сомневаюсь, — прошу Вас, ради убеляющих нас седин, вспомните, что я ведь много, много страдал от литературных клевет, и на будущее время о любом подозрении спросите меня прямо в глаза. Поверьте, я всегда отвечу правду, и только одну правду.

Преданный Вам
Н. Лесков.

3
С. Н. Шубинскому

<Март 1881 г., Петербург>.

Уважаемый Сергей Николаевич!

Два дня писал и все разорвал. Статьи написать не могу, и на меня не рассчитывайте. Я не понимаю, что такое пишут, куда гнут и чего желают. В таком хаосе нечего пытаться говорить правду, а остается одно — почтить делом старинный образ «святого молчания». Я ничего писать не могу.

Всегда Вам преданный
Н. Лесков.

4
И. С. Аксакову

26 октября 1881 г., Петербург.

Уважаемый Иван Сергеевич!

По-моему, «Блохи» должно быть еще на 2 №, а не на один. Кажется, как будто я ее делил на четыре куска, а не на три. Впрочем, может быть я забыл, так как это давненько было, и с той поры пришлось написать много. У Ахматовой же на днях выйдет такая же легенда о нынешнем государе, под заглавием «Леон — дворецкий сын, застольный хищ-

ник». Она хуже «Блохи», но ее тоже хвалят, только она писана наспех и потому, хуже отделана. Там мания «хищения» с намеком на известные лица, но, разумеется, все нарочно запутано, так что не разобрать, кто этот «Леон» — не то лакей, не то кто-то повыше. Там и «хап-фрау», и «лейб-мейстер», и его «ober-преподобие». Ахматова открылась мне, что, желая напечатать очерк, но в то же время и опасаясь за него, она посыпала «одному лицу» корректуру и от него получила радостный ответ, что «государю это не может не понравиться» и что «печатать следует *без малейшего пропуска*». Не знаю доподлинно, кто это «одно лицо», но жалею, что недоговорил многое, боясь бабьего недомыслия редактора. Пиши я «Хищника» для Вас, он бы, конечно, вышел лучше, потому что Вы всех лучше понимаете, «что льзя и то, чего не можно»; но я *не мог* отбиться от Ахматовой, а другого у меня ничего готового не было. Царь там очень прост, очень тепел и (по-моему) очень приятен. Рассказ смешон, весел и в том же простодушном тоне, как «Блоха». «Блоху» здесь очень заметили даже литераторщики, но мне кажется, что лучшая часть все-таки в конце — левша в Англии и его трагическая кончина. Впрочем, и «Обнищеванцев» критики очень хвалят ведь, даже в «Деле». На будущее время пока ничего ясного не придумал, но, может быть, напишу Вам «праведника» из осторожных смотрителей, между коими наичаше встречаются «звери». Был некто полковник Саврасов из севастопольцев, определенный смотрителем виленской «центральной тюрьмы», где всё содержатся одни каторжные, и он своею честностью, простотою и добротою доводил их до того умиления, что они более всего боялись «огорчить старика». На него пришел государю Александру Николаевичу донос о послаблениях. Послали генерала-немца «дознать» — тот приехал, посмотрел и *расплакался*. Саврасов попросил его выбрать из каторжных «самого злого» на вид, и когда такой был выбран, он велел снять с него кандалы, дал простое платье и 3 руб. денег и послал вечером в город (за четыре

версты) купить гвоздей. Каторжник пошел, купил и принес при генерале сдачу. Заболевавших тоскою он посыпал «на огороды», а не в остужную больницу, и они «молились и отгуливались». Чахотки и сумасшествий у него так и не было. Немец все по правде доложил государю, — тот тоже расплакался и велел вызвать Саврасова и долго его целовал, обнявши и плачуши. Саврасов и теперь жив и служит комендантом в Шлиссельбурге, — к нему, говорят, будто послали Гесси Гельфман. Како Вам ся мнит таковой тип? — Пожалуйста, посмотрите в ноябрьской книге «Исторического вестника» статью «Благонамеренная бес tactность». Там я говорил нечто о Вас, — кажется, это Вам не может быть неприятно, а мне нужно было иметь компаньона по взгляду на дело гнусного подхалимства в мнимом верноподданничестве, с целями, недостойными поддержки. Дело идет о брошюрах, которыми вместо пользы приносится вред долгим жеванием одного и того же несчастного события. Пожалуйста, посмотрите эту коротенькую заметочку. — О «Хронике» я того же мнения, что и Рачинский. Это — лучшее чтение для детей, но угворная форма с министерством представляется мне возможною только так, если Вы возьмете экземпляр книги, тщательно зачеркнете в нем красным чернилом места, которые находите нужным выпустить, и пришлете тот экземпляр мне, с прошением в Уч_{ченый} к_{омитет} м_{инистерства} н_{ародного} пр_{освещения} (с двумя марками по 60 коп.), и в том прошении скажете о Вашем намерении издать книгу с пропусками «в том случае, если Ком_{итет} , рассмотрев ее, найдет в этом виде удобною для школьных библиотек». Тогда я буду стараться при докладе выяснить, что нужно сделать, а Вы получите ответ, который, в свою очередь, обеспечит Вам возможность рассчитывать на со-действие м_{инистерс}тва, когда книга будет отпечатана. Других способов я не вижу.

Ваш слуга
Н. Лесков.

5
И. С. Аксакову

25 ноября 1881 г., Петербург.

Уважаемый Иван Сергеевич!

Во-первых, благодарю Вас за деньги, которые я получил и расчетом доволен, а во-вторых, хочу Вам сказать нечто в дополнение к Вашим словам об обидах израненным добровольцам и литераторам, выходившим на бои с духом крамолы, когда она зарождалась и разносилась. Мне жаль, что Вы не упомянули обо мне, который перенес *более всех*, и Вам, конечно, памятно, в каком я был ужасном положении, когда Вы просили за меня Кокорева... И это была, конечно, цветущая пора моих сил, и я никогда не ленился, но меня считали «зачумленным» и «агентом III отделения», что Суворин и Буренин в тогдашнем их настроении писали, не обинуясь. При такой репутации я бился пятнадцать лет и много раз чуть не умирал с голода. Не имея никаких пороков по формуляру, я не мог себе устроить и службы, потому что либеральные директоры департаментов «стеснялись мнениями литературы»... Приличенному вору и разбойнику было легче найти место, чем мне, — и все это за роман «Некуда», который, по словам Страхова в «Гражданине», весь исполнился «как пророчество». Что я намечал, то и вызрело, и зато у меня *пропала* лучшая пора жизни (с 32 до 47). Я измучился неудачами и, озлобясь, дал зарок никогда не вступаться в защиту начал, где людей изводят измором. Но так поступали не одни нигилисты, а даже и охранители. Есть в моей жизни такой анекдот: Катков, в заботах обо мне, просил принять меня чиновником особых поручений (2000 руб.), но у меня оказался «мал чин», так как я был тогда губернский секретарь в 40 лет. Можно было это обойти назначением к исправлению должности, но решили, что довольно с меня и меньшего жалованья, — назначили членом ученого комитета (1000 руб.), и с тех пор я здесь восемь лет «в забытьи», хотя Толстой знал меня хорошо,